

«Патриархат — это и есть мы»

Участвуют: Яна Маркова, Мария Кочкина,
Елена Костылева, Артемий Магун.

*По материалам дискуссии, состоявшейся 31 июля 2021 года
(книжный магазин «Порядок слов», Санкт-Петербург)*

«Патриархат — это и есть мы»

Костылева: Наша дискуссия приурочена к подготовке номера журнала *Stasis*, который посвящен отношениям между психоанализом и феминизмом. В центре находится вопрос полового различия. Феминизм мыслится как женское движение, что, правда, сейчас меняется в сторону более универсалистского подхода. Психоанализ, со своей стороны, тоже рассматривает проблематику полового различия. Первой выступит Яна Маркова — ей слово.

Маркова: Я хочу сказать о том, как феминизм ставит проблему полового различия, а затем поставить вопрос о том, что на сегодняшний день психоанализ может сообщить феминизму в этом отношении. Феминистская мысль, на мой взгляд, функционирует как разрез, который на месте чего-то прежде гармоничного, само собой разумеющегося и естественного — связанного с отношениями мужчины и женщины, с социальным воспроизводством и так далее — обнаруживает проблему: политическую, культурную, онтологическую. Речь идет о выявлении антагонизма. Подобно тому как Маркс выявил классовую борьбу и в некотором смысле ретроактивно сделал ее двигателем истории, феминизм таким новым означающим, в свете которого мы переоцениваем то, что прежде было само собой разумеющимся, поставил

различие полов. Наиболее влиятельной на сегодняшней день интеллектуальной операцией считается тот «разрез», который был сделан в американском феминизме 1970-х. Его можно обозначить как отделение пола от гендера. Из целостности пола выделяется измерение гендера, которое обозначает историческое, политическое, изменчивое — все то, что имеет отношение к справедливости и несправедливости, и то, что может быть изменено. Оказывается, что тело — это еще не все: существует также его интерпретация в культуре и обществе, и она может меняться. Изначально радикальные феминистки 1970-х годов не отрицали существование биологического пола: они соглашались с тем, что существуют мужчины и женщины, однако при этом утверждали, что их роль в обществе не исчерпывается биологическими телами, а определяется сложной системой отношений власти, историей, культурой и так далее.

При переходе к феминизму «третьей волны» (при всей условности этой классификации), то есть ближе к 1990-м годам, акценты смещаются, и гендер уже не выражает биологический пол, который существует сам по себе. Вслед за Джудит Батлер, которая признается наиболее влиятельным автором этого периода, принято считать, что гендер именно в качестве дискурса производит категорию пола. Нет никакой объективной истины которая сообщала бы нам о том, что такое женщина и что такое мужчина, а также о том, как они друг с другом соотносятся. Вместо этого существуют лишь серии перформативных актов, которые своим постоянным воспроизведением создают пол задним числом, в качестве эффекта.

В этом пространстве социального конструктивизма гендерная и сексуальная идентичность мыслятся как продукты отношений власти и языка, и поэтому могут более или менее свободно подвергаться пересборке. Однако у этого стиля мышления, каким бы во многом освобождающим и революционным он ни был, есть и свои слабые места. С одной стороны, можно обозначить проблему, на которую с разных позиций указывают радикальные феминистки и новые материалистки: и те, и другие так или иначе говорят о том, что акцент на дискурсе и на перформативности языка вытесняет тело и материю — и, можно добавить, бессознательное. Мы словно оказываемся в прозрачном пространстве языка, лишенном сопротивления, где мы можем быть кем угодно, конструировать социальные отношения и идентичности так, как нам захочется. И все, вроде бы, замечательно, но на практике оказывается, что несмотря на все это, мы сталкиваемся с множеством проблем, как на политическом, так и на экзистенциальном уровне, связан-

ном с телесностью и сексуальностью. Более того, этот «поворот в сторону дискурса» некоторым образом повторяет жест вытеснения материи и тела, который исторически был объектом критики феминизма. Нам хорошо известно, что в европейской культуре женское всегда ассоциировалось с телом и с материей, и именно в этом качестве подвергалось вытеснению и принижению — и тут снова оказывается, что эта же часть существования полностью устранена и из феминистской теории. Теперь мы ведем речь только о культуре, только о языке и его перформативности — говорить о материальности тела как будто становится невозможно, и эта тема клеймится как нечто едва ли не реакционное.

Есть еще одна проблема. В переходе от противостояния между двумя якобы объективными классами людей к множеству конструируемых идентичностей очевидно есть большое завоевание. Однако здесь же, на мой взгляд, есть и регрессивные тенденции. При всех своих недостатках радикальный феминизм говорит о политическом антагонизме — он делает ставку на то, что в ткани общества присутствует фундаментальный разрыв. Напротив, в рамках социального конструктивизма каждая сексуальная или гендерная позиция представляет собой сингулярность, которую добавляют к ряду уже существующих. Еще одна, еще одна, еще одна... На этом фоне теряется внимание к фундаментальному социальному конфликту. Все, что нам якобы нужно, — это просто перечислить всех, поименовать каждую единицу. Это напоминает затушевывание революционной перспективы, очень близкое к либеральной политике инклюзивности, которая озабочена включением исключенных и не подвергает сомнению саму логику, исходя из которой это включение производится.

С условно психоаналитической позиции можно заметить, что навязчивое стремление зафиксировать каждую сексуальную идентичность и набрать как можно больше означающих, которые бы обозначили каждую вариацию, свидетельствует о нарастающей тревоге по поводу пола и стремлении с ней справиться. Однако попытка опереться на авторитет естественных наук, чтобы вернуться к «объективному» пониманию пола, точно так же служит подавлению тревоги и вытеснению неопределенности. Именно здесь, на мой взгляд, психоаналитическая теория может предложить продуктивное вмешательство. Такие современные теоретики, как Аленка Зупанчич, Джоан Копджек и Дуэйн Руссель, ориентированные лакановской мыслью, возвращают в современную дискуссию о гендере и поле то, что всегда было свойственно психоаналитическому подходу к этой проблематике, а именно — акцент на глубоко проблематичном характере

пола и сексуальности. Для психоанализа пол и сексуальность — это не идентичность, а, напротив, то, что всегда ставит ее под сомнение. Этот тезис обнаруживается как в клинической ситуации, так и в применении психоанализа к общественным явлениям. Упомянутые авторы обосновывают свой тезис о проблематичном характере сексуальности через обращение к лакановскому концепту Реального. Если говорить упрощенно, то Реальное — это один из трех фундаментальных регистров психики, который заключает в себе травматичную невозможность символизации. В языке присутствует некая нехватка, нестыковка, и именно она является тем, что позволяет языку существовать, и тем, что запускает скольжение метонимии. В интерпретации Аленки Зупанчич, пол — это и есть «минус один» символического порядка, с которого он начинается. Пол не есть позитивная сущность, это не различие между объективно существующими типами человеческих существ, — это разрез в целостности. И уже относительно этого разреза, этой базовой негативности выстраиваются различные стратегии сексуации.

Таким образом, мы можем обозначить — разумеется, очень широкими мазками — три парадигмы. Во-первых, эссенциализм, который рассматривает пол как реальную сущность, как отношение между двумя реально существующими сущностями. Это отношение может быть гармоничным или антагонистичным, но речь всегда идет о чем-то объективном, о том, что можно измерить при помощи науки. Во-вторых, парадигма социального конструктивизма, которая обнаруживает множество свободно конструируемых сингулярностей. И, наконец, третью парадигму, как мне кажется, предлагают лакановские авторы. С одной стороны, они признают существование того, что феминистская теория называет гендером, то есть дискурсивной и социальной интерпретации, выражения. С другой стороны, то, что выражается и интерпретируется гендером, — это вовсе не позитивная сущность, а невозможность полного выражения как таковая. Получается некая петля: в символическом присутствует разрыв, заставляющий нас производить означающие, чтобы его заткнуть, однако этот процесс никогда не заканчивается, поскольку невозможно обозначить саму невозможность означивания. Пустое место полового различия оказывается двигателем символизации, которая обречена на провал.

Почему эта третья, психоаналитическая парадигма может быть продуктивной для феминизма? Понимание полового различия как лакановского Реального вновь вводит в дискурс тревогу и неоднозначность, а также перспективу разреза и антагонизма —

ведь мы имеем дело с половым различием как фундаментальной негативностью в человеке. Кроме того, разрез существует независимо от того, какие означающие мы подставляем для того, чтобы его залатать. Из этого следует, к примеру, что политическая борьба небинарных или трансгендерных людей может быть интерпретирована уже не как либеральная попытка перечислить все идентичности, но как нечто имеющее отношение к фундаментальному антагонизму. В некотором смысле можно сказать, что эта новая парадигма на новом уровне возвращает тезис радикального феминизма о том, что наиболее базовый антагонизм любого общества — это половое различие. Только на этот раз мы уже говорим не о различии между природными, объективно существующими типами людей — мужчинами и женщинами, — а о половом различии как о различии вообще, о негативности человеческого существа как таковой.

Митрофанова: Каким образом дискурс материализуется в наших телах? В социальных институтах и так далее? Мне кажется, вот этот вопрос актуален для теории на протяжении последних пятнадцати лет.

Маркова: На на эту тему пишет, к примеру, Поль Пресьядо — о том, как технологии, которые задаются гендерными дискурсами, формируют нашу телесность. Но меня в большей степени интересует другой вопрос — почему дискурс формируется именно вокруг пола и гендера? Мы говорим, что это социальный конструкт, но речь идет о социальном конструировании чего именно? Что конструируют технологии? Ответом на эти вопросы для меня является психоаналитическая парадигма, которая говорит о половом различии как о фундаментальном человеческом свойстве. Именно вокруг него, получается, гендерный дискурс и наращивается.

Магун: У меня несколько вопросов. Во-первых, Бадью — и многие, в том числе Лакан, с ним согласны, — говорит, что нет никакого промежуточного звена между мужчинами и женщинами. Это такой раскол, где присутствует дизъюнкция: либо-либо. И в этом смысле это различие действительно похоже на классовое различие. Однако остается непонятным, *почему же* это так. Мне кажется, за фрейдовским психоанализом стоит как раз желание проанализировать женскую и мужскую точку зрения в их детерминированности и тем самым выйти за пределы детерминизма. То есть сам Фрейд, на мой взгляд, старается говорить не от лица

мужчины или женщины, а занять совсем иную позицию. Мне представляется, что задача психоанализа и науки в целом — выйти в некую *асексуальность*. Что, если будущее не за развитием сексуальности, а за ее преодолением?

Второй вопрос. В вашем дискурсе усматривается эссенциализм, основанный на анатомии. Соответственно, все реформы сводятся к ней. Однако для психоанализа дело обстоит несколько иначе. Мальчик и девочка по-разному проходят социализацию. И, соответственно, у них есть типичные, стереотипные переживания, характерные для их раннего детства, из которых затем, по Фрейду, а особенно — по Мелани Кляйн, произрастает их психологическая дивергенция. Дело не в том, что мы вскрываем неполноту анатомии и так далее, а в том, что, несмотря на сознательное равенство полов и даже их некую сознательную взаимодополнительность, прорывается бессознательное из *прошлого* — из прошлого человека и из прошлого общества. Действительно, еще недавно их позиции были неравными. Несмотря на то, что эти позиции, казалось бы, отменены, они прорываются, как фрейдовское бессознательное, в форме неких аффектов. То есть официально, вроде бы, нет никакого угнетения женщин, но в бессознательном оно по-прежнему есть. Акцент на бессознательном нельзя упускать, если мы говорим о психоанализе. Не существует «только тела».

Насколько оправдано то, что психоанализ выводит антагонизм мужчин и женщин на первый план и в целом фетишизирует сексуальность как проблематику? Почему именно пол и гендер, если есть классовая борьба? Вот настоящее — классовая борьба! Или, допустим, русские и американцы — вот это, я понимаю, серьезная борьба. А мужчина и женщина — ну, слушайте, это несерьезно! Да, это важная часть человеческой жизни, но это частная сфера, она относится к очень индивидуальному переживанию.

Давайте вести общую правильную борьбу, а проблемы гендера, я считаю, надо решать вторично: создавать специальные комиссии, женотделы, мужотделы. Это традиционная советско-российская позиция.

В определенном смысле тут и психоанализ надо критиковать, и феминизм. Если вы предполагаете, что феминизм, все эти полы и гендеры — это так уж важно, то вы должны это как-то доказать тем, кто считает, что масштабные, массовые, публичные проблемы гораздо более приоритетны.

Маркова: Наверное, в каком-то смысле моя перспектива буржуазна. Мне кажется, что особый акцент на половом различии,

который делает психоанализ, обусловлен тем, что в жизни субъекта это первое большое различие, с которым он сталкивается, то есть оно становится прототипом других различий. Мне кажется, что с позиции субъекта половое различие является более фундаментальным, чем классовое.

Костылева: Добавлю коротко. У этого вопроса точно есть своя длительная история, в частности, в книге «Несчастливый брак марксизма с феминизмом» Хайди Хартманн. Вы действительно озвучили классическую марксистскую позицию, которая связана с тем, что «у нас есть более важные дела, чем решать ваши женские проблемы».

Магун: И мужские.

Костылева: Феминизм решает в первую очередь женские проблемы, а потом уже и через них мужские. У нас такой план (*смеется*). К сожалению, если бы феминизм действительно победил, в обществе не было бы насилия, угнетения женщин... Статистика — очень упрямая штука. До сих пор практикуется насилие в отношении женщин как просто физически более слабых. Женщины формируются в ситуации, где насилие становится привычным. По-прежнему существует разница в оплате труда, кроме того, женщина занимается воспроизводством и, следовательно, несколько лет проводит дома вне социума с маленьким ребенком в практически не оплачиваемом декретном отпуске. Если бы как минимум эти три ситуации удалось исправить, и феминизм бы победил, тогда марксистская позиция снова могла бы стать актуальной. Мы бы сказали: «Да, действительно, давайте теперь разбираться с Америкой, с классовым угнетением».

Магун: Понятно, что вопрос-то мой про значимость пола был провокационным. У меня у самого есть на него ответ.

Дело в том, что сферы семьи, тела, пола — это сферы внутренне, то есть такие, где противоречия труднее решить. Внешние противоречия более или менее можно решить путем войны, позиционируя себя как одну из сторон в противостоянии. Например, я — женщина (в войне против мужчин), или я — пролетарий (в войне против буржуа). Для психоанализа все противоречия становятся внутренними. Фрейд прямо говорит об этом в своем знаменитом эссе «Трудность на пути психоанализа» он упоминает несколько принципиальных ударов по нарциссизму. Самый страшный из них нанес психоанализ, который показал, что

Я не хозяин в собственном доме. Тут действительно психоанализ идет впереди марксизма, потому что марксизм мыслил категорию класса как нечто в большей степени внешнее. А здесь раскол проходит внутри индивида, внутри семьи и может идти внутри общества, но все равно будет что-то неустранимое в этом противоречии, что помешает нам разделить лагеря. Почему? Потому что противоречия загнаны внутрь. Они уже не расположены как достойные противники друг против друга, а носят не самый приличный характер. И с этим связана проблематизация психоанализа и феминизма в XX веке. Соответственно, отрабатывать ее надо именно как секрет всеобщей эмансипации — не только в рамках семьи. Решение этих проблем далее должно экстраполироваться уже и на классовые, и на национальные отношения. Райх и Маркузе рассуждают похожим образом.

Костылева: Переход, который делается в психоаналитической теории от индивидуального бессознательного к социуму и к анализу социальных процессов, не очевиден, но сейчас терминология психоанализа повсеместно используется даже в политологических статьях... То есть предполагается, что есть прямая связь между тем, что происходит лично у меня в бессознательном, и тем, что происходит в России. Или между Россией и Америкой. Ее можно понять и простроить. Слово Маше Кочкиной.

Кочкина: Я расскажу, в чем я вижу важность психоанализа для феминизма, и что их синтез может дать для понимания современной ситуации. Я долго пыталась решить для себя, какое значение психоанализ может иметь для феминистской мысли, феминистской политики и другого рода освободительных движений — ведь психоанализ часто критикуют за аполитичность. Я пришла к тому, что психоанализ может объяснить внутреннее сопротивление протесту и дать ответ на вопрос о том, почему же так сложно свергнуть патриархат. Психоаналитическая оптика показывает, что патриархат — это и есть мы. Мы интернализируем символический порядок, и, следовательно, неравенство и половое различие являются структурой нашей собственной субъективности. Если перевести эту мысль на марксистский язык, то в политическом смысле психоанализ является анализом ложного сознания.

Ключевым для такого психо-политического анализа является вопрос о свободном выборе. Эта идея используется либеральной идеологией для рационализации положения человека в общественном порядке и глубоко проникла в нашу повседневность.

Например, если на правовом уровне или физически никто не принуждает работника трудиться на тяжелой и низкооплачиваемой работе, то говорят, что он сам совершает этот выбор. Или если женщина принимает решение подчиняться патриархальным нормам, следовать гендерной роли, этот выбор тоже свободен, а соответственно требует уважения.

В рамках феминистской теории можно выделить две основные стратегии в отношении полового различия, и ведется много споров о том, в действительности ли обе они могут иметь в основании свободный выбор.

Половое различие нужно уничтожить. Например, через технологии, как предлагает ксенофеминизм, или через отрицание гендерной бинарной системы.

Половое различие следует культивировать. За этим стоит идея того, что женское, на самом деле, представляет собой альтернативу патриархальной системе.

Я бы хотела поговорить про вторую стратегию — стратегию культивирования полового различия. Она подразумевает, что соответствие патриархальным нормам может быть свободным выбором женщины, и, более того, выбором феминистским, политическим, меняющим систему именно потому, что эта система выстроена вокруг мужского. Можно привести в пример то, что радикальные феминистки называют «адаптивными практиками»: использование косметики, создание женственных образов, удаление волос на теле и так далее. Иногда это может означать принятие качеств, связанных с традиционным женским образом: заботы, эмоциональной вовлеченности, пассивности и так далее. Сегодня я буду рассматривать в основном визуальные аспекты этой стратегии, свойственную ей эстетику.

Итак, предполагается, что в самом женском есть нечто эмансипаторное, представляющее собой зачатки альтернативной культуры, проблеск альтернативного будущего без угнетения. Поэтому женщина может в качестве своего свободного выбора принять элементы женственности и женскую роль, поскольку в них есть нечто сущностно немаскулинное, а значит и антипатриархальное. Эта позиция на первый взгляд консервативна и исключает гендерную флюидность. Однако, мне кажется, что все несколько сложнее, опять же, если мы примем во внимание психоаналитические категории.

Возьмем пример из поп-культуры. Почти в одно время несколько лет назад Ким Кардашьян и Эмили Ратаковски, широко известные медиаперсоны с огромной аудиторией, высказались за право демонстрировать фотографии своего обнаженного тела

в откровенных позах. Они написали о том, что принимают свое тело и свою женственность, демонстрируя его по своей воле, а публикация откровенных селфи — это эмансипаторный и феминистский акт, поскольку таким образом они утверждают собственную сексуальность.

Для анализа этого кейса и деконструкции идеи свободного выбора очень полезно психоаналитическое понятие сублимации. В книге «Колонизация психического пространства» Келли Оливер пишет, что сублимация — это постоянное означивание телесного опыта, например, через половое различие. Оно одновременно происходит как внутри субъекта, так и в интерсубъективном пространстве. Ограничение сублимации является инструментом воспроизводства неравенства и угнетения. Угнетенные не могут означивать свои желания, свои порывы, свой телесный опыт. В рамках сублимации существует разделение на *субъектную позицию*, то есть позицию в символическом поле, и *субъектность* как агентность, то есть наше желание, нашу интенциональность.

В случае Ратаковски и Кардашьян *субъектность* и *субъектная позиция* смешиваются. Сексуальность стоит на стороне *субъектности* — она про то, как ты чувствуешь свое желание, как ты чувствуешь свое тело, чего ты хочешь, к чему тебя тянет. Сексуальность связана с феноменологией собственного тела и ее интерпретацией. Если у Ратаковски и Кардашьян и получилось что-то выразить, то скорее *сексапильность, сексуальную привлекательность, которые переходят в субъектную позицию*, то есть в то, какое положение они занимают в нашем мире. Такое смешение сексуальности и сексапильности свидетельствует не о переизбытке *субъектности*, а о ее недостатке, о невозможности осуществить сублимацию.

На мой взгляд, об этом же говорит и современная тенденция популяризации секс-работы через онлайн-платформы. В последние годы секс-индустрия совершила огромный прорыв, поскольку перешла на инструменты гиг-экономики. Существует известный сервис *OnlyFans*, где вы можете выставлять свои обнаженные фото или видео, и за доступ к ним люди будут платить вам деньги. Это очень популярная платформа, которая имеет оборот в миллионы долларов. Часто в социальных сетях можно встретить посты женщин, которые также говорят о том, что это выражение сексуальности, и, более того, что эта работа — феминистский выбор, потому что мужчины наконец платят за сексуализированные образы. Это способ забрать у них деньги и осуществить своего рода эмпауэрмент.

Здесь возникает вопрос: а есть ли способ культивировать половое различие через сублимацию, не ограничивая при этом *субъектность* в пользу *субъектной позиции*? Для того, чтобы это было возможно, половое различие следует не просто утверждать в тех позициях, в которых оно уже задано, а создавать его заново, искать какую-то новую субъектную позицию для того, чтобы в ней могла проявиться субъектность. Это похоже на то, что Люс Иригарей назвала мимикрией. Подобная стратегия культивирования полового различия через принятие женских образов может действительно ускользать от патриархата, поскольку она создает нечто новое.

Это ускользание, на мой взгляд, можно обнаружить в некоторых видах современной квир-культуры, в особенности в лесбийской. Можно привести в пример эстетику коттеджкора, которая опирается на образы загородной жизни. В коттеджкоре много женственного: летящие платья, миловидность, близость к природе, забота и любовь к растениям и домашнему очагу. Однако цель этих образов не состоит в том, чтобы быть приятными мужскому взгляду или соответствовать стандартам красоты, а в каком-то смысле пародировать и переизобретать феминность, определять ее на своих собственных условиях.

Еще один любопытный пример — это «лесбийские сережки». В среде квир-женщин существует мода на сережки из разнообразных подручных вещей, на первый взгляд для этого не предназначенных, — это могут быть какие-то миниатюры, игрушки или цветная упаковка. В принципе, из всего, что найдут, они могут сделать сережки. С одной стороны, это, конечно, способ обозначить своих — тех, кто включен в сообщество, показать свою идентичность. Но почему именно такие сережки? Как объясняют сами женщины, следующие этому тренду, это вполне осознанное утрирование женственности до смешных или даже несколько нелепых форм. Это такая женственность, которая связана с привычными эстетическими образами, но при этом она неприятна и непонятна мужскому взгляду.

Это примеры, которые я обнаружила в медиа, но лично мне наиболее продуктивным проявлением феминизма полового различия кажется тот, в котором половое различие выступает как различие политическое. Я имею в виду, что мы можем распознать в качестве субъектной позиции женщины не сексуальность и женственность в обыденном смысле, а саму ее угнетенность. Парадоксальным образом мне кажется возможным в этом неравенстве сублимации найти собственную агентность. Можно получить силу, тот самый эмпауермент, из осознания

собственной угнетенной позиции. То есть мы можем посмотреть на женщин как на образец, который в истории постоянно оказывал сопротивление ограничению сублимации и показывал свою агентность. Для меня, конечно, это могут быть образы революционерок, феминисток или курсисток из истории женского сопротивления.

Я не вполне сформулировала, как именно можно понимать половое различие как политическое, но в моем представлении категория «женщина» не отсылает к физиологии или к какой-либо сущности в принципе. То есть речь не идет об эссенциализме, например, о сущности женщины как пассивного, природного, дающего жизнь, сексуального или еще какого-то существа. Мне кажется, что если бы мы понимали половое различие как политическое, мы смогли бы тем самым избежать эссенциализма и, прежде всего, говорить об истории формирования женщины и женской субъектности.

В этом смысле для того, чтобы преодолеть патриархат, не обязательно отказываться от категории «женщины» как от бинарной или ограничивающей. На мой взгляд, эта категория может включать в себя не только существ с набором определенных биологических характеристик, но также и различные образы женскости, в том числе некую мужскую женственность и в этом смысле угнетенность. Рабочий — это своего рода «женщина». И здесь можно отослать к психоанализу и случаю Шребера, в котором, как пишет Эрик Сэнтрнер, пациент поставил себя в позицию еврея и женщины, в своем безумии отождествив себя с ними, но при этом он таким образом избежал настоящего сумасшествия — фашизма.

Костылева: Я хотела бы концептуально дополнить все, что было сказано про отношения психоанализа и феминизма, с тех позиций, которые мне наиболее понятны. Сегодня упоминались лакановский психоанализ, Жижек, Юнг, Фрейд, но при этом остались не упомянутыми некоторые ветви психоанализа, которые также могут что-то объяснить в проблематике полового различия, угнетения и конструирования пола. Что касается конструирования гендера, то мы сталкиваемся скорее с внешним процессом, который мы в состоянии отследить. Чего нельзя сказать об образовании пола в психоанализе по версии Мелани Кляйн и Фрейда. В маленькой работе «Некоторые психические следствия анатомического различия полов» Фрейд пишет о зависти к пенису. Эта фрейдовская концепция — его ахиллесова пята, критикуемая феминизмом. Именно ее ставят

под вопрос феминистки, когда говорят, что Фрейд ничего не понимал, и психоанализ — это сексистская наука. По версии Мелани Кляйн, Фрейд, на самом деле, понимал ровно половину. Он предположил, что девочка, в тот момент, когда она видит пенис у мальчика, ощущает некий порыв — обладать таким же органом. Она обнаруживает, что у нее такого органа нет, и немедленно хочет его заполучить. Фрейд говорит, что девочка входит в Эдип с этой завистью к пенису, то есть входит в него уже кастрированной, а мальчик — с пенисом и страхом кастрации. Что делает Мелани Кляйн? Как мы сейчас уже довольно четко понимаем, она реформирует психоанализ, ставя мать, а не отца, во главу угла. Она говорит, что первичен вовсе не пенис и не фаллос, первичный объект для Кляйн — это материнская грудь. Она может быть «хорошая» и «плохая». «Хорошая» связана с присутствующей грудью, а «плохая» — с отсутствующей. Заодно и с преследующей, поскольку отсутствие питания, тепла и защиты переживается ребенком как угроза.

Зависть — это ключевое понятие в теории Мелани Кляйн. Однако она проблематизирует не только зависть к пенису, но пишет и о том, что мальчик точно таким же образом завидует женской творческой способности. Для Кляйн творческая способность связана с возможностью родить ребенка, это именно способность к созданию. Когда мы дополняем конструкцию, где у нас есть зависть девочки к пенису мальчика, завистью мальчика к груди и вообще к материнскому телу, вся теория становится уравновешенной, симметричной.

Вообще, согласно психоаналитической теории, пол принимается очень рано, одновременно с вхождением в язык. Это половое различие первично, по отношению к нему гендерные предрассудки, стереотипы — это уже более позднее наслоение. Но если мы говорим о психоанализе и феминизме, то нам действительно лучше ориентироваться на первичное.

Зависть к груди, вообще говоря, первичная категория для Кляйн. Она не объяснима ни с какой точки зрения. Кляйн пишет, что это «врожденная» зависть.

Тогда понятно, почему мальчик больше ориентирован, как принято считать в гендерной теории, на внешнее, на активное воздействие на мир, потому что внешним миром будет вот этот материнский живот, материнская фигура. Девочка больше ориентирована на внутреннее, на свою же внутреннюю способность зачать и родить. Допустим, что это так. Почему нам это важно? В тексте «Ситуативные знания», который вышел в феминистском номере «Логоса», Харауэй пишет, что теория Мелани Кляйн

сделала для феминизма в Америке больше, чем Альтюссер и все другие властители умов. Почему? Потому что в Америке распространено влияние такой организации, как *IPA*, представители которой во многом ориентированы теорией Мелани Кляйн. Я думаю, что Харауэй здесь глубоко права не только по поводу Америки, но и в целом. Если говорить об отношениях психоанализа и феминизма, то феминизму очень нужен психоанализ для того, чтобы представлять себе все эти внутренние процессы. Почему женщина не может взять и победить сразу, или почему нельзя сделать из мужчины женщину — добрую и заботящуюся — сразу? Почему нужно столь долго менять эти стереотипы? Почему нужно так много объяснительной работы? Почему все равно что-то не срабатывает? И мне кажется, сейчас настал тот момент, когда психоанализ и феминизм действительно нуждаются друг в друге. Дело в том, что, когда мы обращаемся к теме полового различия, мы упираемся в некоторую систему тупиковых противоречий.

Психоанализ — это относительно молодая наука, наука о бессознательном, поэтому мы можем туда все, что угодно, «положить». Однако находим мы некоторым образом одно и то же: то, что упирается в негативность сексуальности, о которой пишет Зупанчич, то есть, в конечном итоге, — в невидимую границу. Мы оказываемся там, где язык не действует, где языка нет. Этим это поле и интересно. В то же время Кляйн открывает такую область до языка, область доэдипальности, где фантазии являются своего рода «частями речи», например, в игре ребенка. По ту сторону феминизма, в психоанализе, есть схемы, которые способны объяснить проблемы, возникающие у говорящих субъектов.

Я думаю, что, достраивая эти две системы, которые мы сейчас обсудили, — систему Фрейда с завистью к пенису и систему Кляйн с завистью к груди, — логично говорить о мужской беременности. Это такая концепция, которая активно исследуется, у Ирины Аристарховой в книжке «Гостеприимство матрицы» есть обзор работ на эту тему, а также ее собственные мысли на этот счет. Сейчас мы занимаемся проблемой того, чтобы женщина получила «фаллос» — нормальную работу, участие мужчин в декретном отпуске и так далее. Но, если решать проблему зависти мальчика к женской творческой способности, мужская беременность — это способ для мужчины получить, по Кляйн, «творческую способность», это очень логичный, очень прямой ответ на это. То есть это чисто теоретический ход.

